Для цитирования: Лукин А. Н. Может ли ориентация на традиционные нравственные ценности согласовываться с развитием гражданского общества в России? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 18–23.

УДК 316.3

МОЖЕТ ЛИ ОРИЕНТАЦИЯ НА ТРАДИЦИОННЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОГЛАСОВЫВАТЬСЯ С РАЗВИТИЕМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ?

Лукин Анатолий Николаевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент.
Российская Федерация, 454071, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация
В статье рассматриваются проблема сочетания ориентации на традиционные нравственные ценности и развития гражданского общества в России, возможность при этом учёта цивилизационного аспекта; показывается, что это проблема не только нашего общества, но и многих других стран, вступивших на путь модернизации.

Ключевые понятия:
гражданское общество, абсолютные ценности, либеральные ценности, функции гражданского общества.

Становление и развитие гражданского общества как феномена, присущего обществу с демократическим устройством и правовым государством, по-прежнему остаётся интересным для исследователей социально-политических реалий современной России. Однако акцент в публикациях по этой проблеме постепенно смещается. Если в 90-х годах прошлого столетия и начале нового века речь в основном шла о том, как быстрее и точнее перенять опыт формирования гражданского общества стран западной демократии, то сейчас на первый план выходит проблематика учёта цивилизационной специфики России при развитии гражданского общества в нашей стране. Один из аспектов дискуссий – можно ли вообще строить гражданское общество, не основанное на примате классических либеральных ценностей.

Классический либерализм рассматривает государство как сферу принуждения. Его приходится терпеть ради поддержания общественного порядка. Однако постепенно возможности государства по контролю над гражданами должны ограничиваться по мере развития гражданского общества как сферы свободы. Индивиды при этом рассматриваются как уникальные существа, обладающие равным моральным достоинством. Нужно создать общество равных стартовых возможностей для людей разного пола, цвета кожи, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п. Неравенство в таком обществе будет исключительно следствием различия таланта людей и прилагаемых усилий для достижения целей. По мнению классического либерализма, необходимо ограничить до минимума вмешательство государства в экономику, личную жизнь граждан, культурные процессы, исключить идеологическое давление с его стороны. Принятие решений по важным вопросам должно предполагать достижение общественного консенсуса. Отсюда ставка на рационализм и толерантность. Впрочем, провозглашённая толерантность оказалась симулякром, так как в реальности, отстаивая свои установки, либералы повсеместно демонстрируют не просто инакомыслие, но воинственное отрицание традиционалистских взглядов, в том числе социальных установок на необходимость сохранения ориентации на абсолютные нравственные ценности.

Понятие «абсолютные ценности» требует пояснения. Согласно философской мысли, опирающейся на платоновскую и

христианскую традицию, они имеют трансцендентную природу. Абсолютные они в том смысле, что исходят от Абсолюта, непререкаемого авторитета (у Платона – мира «эйдосов», в христианской традиции – от Бога). К таковым нередко относят сверхличностные, по мнению платновско-христианской традиции, ценности нравственного добра, справедливости, истины, красоты, свободы, без которых невозможна полнота личностно зрелой жизни. Даже после утраты доминирующего влияния христианства на духовную жизнь европейского человека эти ценности, будучи укоренёнными в ментальном слое культуры, тем не менее, остаются ориентирами в жизни для значительного числа людей. Не случайно среди влиятельных политических европейских партий некоторые в своём названии оставили слово «христианский». Пусть общество, основанное на абсолютных ценностях, – это недостижимый идеал Блага. Но на то он и идеал, чтобы быть, во-первых, критерием оценки реальности; во-вторых, целью, к которой должно стремиться, чтобы не превратить реальность в ад и не стать причиной гибели всего живого на Земле.

Нам представляется, что проблема сочетания ориентации социума на абсолютные нравственные ценности и развития гражданского общества является сложной по нескольким причинам. Во-первых, по-настоящему успешный опыт формирования гражданского общества в странах западной демократии как некий ориентир для модернизирующихся обществ основан на примате либеральных ценностей, постепенно замещающих традиционные ценностные ориентации. Следует уяснить, возможен ли в действительности некий иной таксон гражданского общества, либо за пределами либеральной идеологической основы не может быть гражданского общества как такового. Во-вторых, само наличие абсолютных установок существенно сужает свободу деятельности институтов гражданского общества, которые в этом случае должны действовать не только в рамках закона, но и традиции. Конечно, и в либеральном открытом обществе мера преемственности остаётся, но именно мера. Не законсервирует ли развитие гражданского общество ориентация на абсолютные нравственные ценности? В-третьих, непонятно, кто должен следить за соблюдением традиции? Если это функция государства по отношению к гражданскому обществу, то не станет ли его контроль чрезмерным и репрессивным по отношению к НКО. Если же это вопрос саморегуляции гражданского общества, то какие санкции оно может предъявить к «отступникам»?

Среди западных мыслителей нет сомнения в том, что одной из главных функций гражданского общества является создание более благоприятных условий для реализации частных интересов индивидов. При этом самоорганизация граждан рассматривается как атрибут гражданского общества. Граждане для того и самоорганизуются, чтобы реализовать свои частные интересы [4; 5; 11]. Однако это очевидно, если мыслить в западно-либеральной парадигме. Её отличительные особенности – приоритет частных интересов личности, обеспечение прав и свобод этнических, сексуальных, конфессиональных и прочих меньшинств, убеждённость в том, что либеральные ценности являются синонимом цивилизованности, критерием социального прогресса. В таком ракурсе мышления развивающиеся страны в результате модернизации должны перенимать не только преимущества рыночной экономики, западных технологий, но и культурные либеральные ценности. Некоторые, например Ф. Фукуяма, даже поспешили было объявить окончательную победу либеральных идей в планетарном масштабе, что было опровергнуто последующими событиями. Новое столкновение ценностей оказалось неизбежным. Такое столкновение происходит не только между цивилизациями, но и внутри государственных образований, что может приводить к изменению взглядов на некоторые функции гражданского общества. Стоит согласиться с выводами В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк и В. В. Маленкова о том, что «в настоящий момент наблюдается новый этап становления российской гражданственности. Пока гибридная форма, предполагающая балансирование консервативных и либеральных элементов, сохраняется. Но наблюдается явная тенденция нарастания традиционалистских настроений. Либеральная же составляющая выступает в качестве антимодели. По сути, новая модель гражданственности формируется уже на основе открытой конфронтации с западной либеральной моделью» [3, с. 106].

По мнению проректора Дипломатической академии МИД России А. В. Лукина, ключевым водоразделом мира будущего будет ценностный. Для мира будущего бу-

дет характерно «столкновение ценностей», причем по одну сторону будут сторонники принципа абсолютных ценностей, а по другую – морального и ценностного релятивизма. В этом плане будет не так важно, кто в каком государстве живет и к какой цивилизации принадлежит. Внутри западного мира достаточно сторонников абсолютных ценностей, но их голос пока заглушается сторонниками либерального секуляризма. Он пишет: «В каком-то смысле современную ситуацию можно сравнить с миром периода эллинизма: с одной стороны, западная цивилизация, как и греческая в свое время, распространилась практически на весь мир: язык политики, экономики и культуры повсюду во многом вестернизирован, даже в самых враждебных Западу государствах (Иран, Китай) действуют западные политические формы: парламенты, конституции, политические партии и т. п. С другой стороны, короткий период полного политического доминирования Запада после конца "холодной войны" (сравнимый с периодом единого государства Александра Македонского) на наших глазах сменяется многополярным миром, в котором образуются новые центры силы, только укрепившиеся на почве заимствования достижений западной цивилизации и готовые бросить вызов ранее непререкаемому гегемону» [8, с. 111].

Интересны в этом плане высказывания известного теоретика исламского гражданского общества, бывшего вице-премьера, а ныне лидера оппозиции Малайзии А. Ибрагима, который отвергает принцип относительности морали, будучи убеждённым, что гражданское общество должно быть на страже не частных, а абсолютных ценностей: «Гражданское общество, к которому мы стремимся, – отмечает он, – основано на моральных принципах <...> Азиатское представление о гражданском обществе отходит в одном фундаментальном отношении от социальной философии Просвещения в том, что религия и гражданское общество несовместимы по своей природе. Религия всегда была источником большой силы азиатского общества и продолжит быть бастионом, защищающим от морального и социального упадка» [10, с. 51].

Как отмечает А. В. Лукин, «пока выдвижение моделей, альтернативных западным, производится преимущественно авторитарными лидерами и системами, в которых не используются ведущие достижения западной цивилизации: высокий уровень политической свободы, обеспечиваемой системой разделения властей, верховенством права и т. п. Это в значительной мере лишает такие модели привлекательности. Даже не признавая политические свободы высшей целью человечества, все же крайне негуманно и даже лицемерно было бы считать их и вовсе ненужными и отрицать их необходимость в качестве благоприятного условия для достижения иных, более высоких целей. Такое отрицание часто является оправданием для вечного и неэффективного правления диктаторов всех мастей и репрессий с их стороны. Поэтому идеальная привлекательная незападная модель должна сочетать в себе высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей. Будет ли кем-то предложена такая модель или борьба по-прежнему будет вестись между двумя традиционными оппонентами – ценностный релятивизм плюс свобода против ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом, – покажет будущее» [8, с. 113]. Таким образом, ставится под сомнение фундаментальное положение западных либеральных теоретиков, что гражданское общество в связке общественных и частных интересов на первое место ставит обеспечение возможности реализации последних за счёт первых. В консервативной парадигме мышления гражданскому обществу может отводиться роль охранителя абсолютных ценностей, что, естественно, никак не согласуется с моделью гражданского общества в странах западной демократии. Парадокс в том, что, на наш взгляд, некорректно ставить вопрос об истинности или ложности этих позиций. Напомним, что функция элемента определяется не только его внутренними потенциями, но и внешней средой. Применительно к гражданскому обществу – культурными, экономическими, политическими, историческими особенностями, волей субъектов общественных отношений. Для сторонника либерального секуляризма подчинение частных интересов абсолютным ценностям означает выхолащивание самой сути гражданского общества. Для консерватора-традиционалиста это позитивное для социума преодоление либерального догматизма.

Было бы заблуждением считать, что дилемма приоритета частных или абсолютных ценностей волнует только носителей российской или азиатской менталь-

ности. Американский мыслитель, советник президентов Никсона и Рейгана, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов, П. Дж. Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада» утверждает: «Борьба за сохранение традиционных ценностей, культур и самих западных государств провела новый водораздел между левыми и правыми; эта борьба заставила задуматься над тем, что означает в действительности привычное понятие «консерватизм». Именно здоровый консерватизм должен стать идеологическим мотивом двадцать первого столетия» [2]. По мнению П. Дж. Бьюкенена, либеральная антихристианская идеология на Западе, если её не преодолеть, неминуемо приведёт к смерти Западной цивилизации. А на смену культуре деградации (аморализма, разрушения традиций, падения рождаемости, отрицания абсолютных ценностей) уже идёт культура эмигрантов, которые стремительно колонизируют освобождающееся пространство Америки и Европы. П. Дж. Бьюкенен настроен решительно, считая, что необходимо предпринять всё возможное – вплоть до объявления «религиозной войны» идеологам либеральной культурной революции, их последователям и приверженцам, чтобы восстановить позиции христианства – основы общественной и политической жизни Запада. Итоги последних президентских выборов в США и последовавшие за этим протестные движения наглядно показывают остроту противостояния носителей разных систем ценностей внутри оплота Западной цивилизации.

В биологии главная функция любого элемента системы – способствование сохранению объекта-причины или системы, в которую он входит. Следовательно, те организации, которые деструктивны по отношению к обществу, не могут рассматриваться в качестве его элементов. Возникает немало сложностей, связанных с тем, что разные субъекты социальных отношений по-разному представляют себе идеал общества. Например, с точки зрения приверженцев абсолютных ценностей, ЛГБТ-сообщество – разрушитель нравственных устоев социума, несущий опасность его деградации и гибели. С позиции же либерала-западника – это важный элемент гражданского общества, позволяющий отстаивать частные интересы сексуальных меньшинств. Запрет пропаганды гомосексуализма в России для консерваторов означает важный шаг для нейтрализации деструктивных элементов. Для либералов это свидетельство неразвитости нашего гражданского общества. Ведь это отдаляет, по их мнению, Россию от созданного на Западе идеала. Должны ли мы в своих действиях по развитию гражданского общества угождать западным «учителям» демократии? Тем более что Западу ещё предстоит найти ответ на опасные вызовы, связанные с волной эмиграции, ростом угрозы терроризма и экстремизма, снижением рождаемости и депопуляцией белого населения в ряде стран, разрушением традиционной семьи, ослаблением нравственных регуляторов и т. д. Стоит ли нам следовать в фарватере идей глобализма, мультикультурализма, толерантности? И в самом ли деле либеральному секуляризму нет исторической альтернативы? Почему при этом звучат призывы к толерантности по отношению к всевозможным меньшинствам и наблюдается воинствующее неприятие любых попыток поставить под сомнение саму систему западно-либеральных ценностей?

Нельзя, на наш взгляд, абсолютизировать самоорганизацию как способ формирования институтов гражданского общества. И не только государство готово в этом поучаствовать, чтобы управлять потом «третьим сектором». Есть и другие серьёзные «игроки». М. А. Клупт приводит убедительные примеры того, как в середине прошлого столетия при поддержке американских частных фондов (Рокфеллера, Форда и др.) началось формирование глобальной сети НПО, специализирующихся на оказании услуг в области контрацепции и репродуктивной медицины. Её стержневым элементом стала Международная федерация планируемого родительства, в которую вошли национальные ассоциации, созданные под её патронажем в большинстве стран мира. Цель этой формы глобального управления – контроль над ростом населения [7, с. 26]. Острый дефицит финансирования НКО в развивающих странах позволяет западным державам, прежде всего США, через финансовую помощь влиять на развитие отдельных сегментов гражданского общества и, следовательно, на социально-политическую ситуацию внутри этих стран. Естественно, при определённых условиях, управляя таким «глобальным гражданским обществом», можно деструктивно влиять на ситуацию в локальных социумах. Эта проблема требует отдельного серьёзного исследования.

Таким образом, наряду с бесспорными функциями гражданского общества, связанными с его внутренними потенциальными возможностями, его роль может существенно корректироваться в конкретных исторических, экономических, политических и культурных условиях. Для современной России важно понять, что баланс частных и общественных интересов может быть установлен при культурной ориентации на сохранение традиционных абсолютных ценностей. При этом идеально было бы увидеть в будущем соединение политических свобод и приверженности основных институтов гражданского общества абсолютным ценностям. Не хочется верить, что охрана нравственных устоев общества посильна только авторитарным режимам. На новом витке исторического развития гражданское общество, основу которого должны составить образованные, духовно развитые, ответственные за будущее социума личности, может стать реальным. Пока же это скорее концепт, или, по М. Веберу, идеальный тип, пусть трудно реализуемый на практике, но способный обеспечить интенцию общественного сознания на достижение идеала, а следовательно, развитие социума в этом направлении.

---

1. Большаков А. Г. Профилактика экстремизма и терроризма в России и её регионах: роль гражданского общества (на примере Республики Татарстан) // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / под ред. А. И. Стребкова, А. В. Алейникова, А. Г. Пинкевич. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2015. 502 с.

2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003. 444 с. URL: https://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/ (дата обращения: 26.01.2017).

3. Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.

4. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Гражданское общество как система: проблема обретения эмерджентного свойства // Социум и власть. 2016. № 4. С. 7–13.

5. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Россия на пути развития гражданского общества: верно ли выбраны ориентиры? // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 23–27.

6. Кассирер Э. Познание и действительность (Понятие о субстанции и понятие о функции). М. : Изд. К. В. Кренов, 1913 (репр. изд.). URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000733/index.shtml (дата обращения: 12.01.2017).

7. Клупт М. А. Государство, «Третий сектор» и демографическая политика // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 24–33.

8. Лукин А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 102–113.

9. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16–27.

10. Ibrahim A. The Asian Renaissance. Kuala Lumpur : Times Books International, 1996. 128 p.

11. Zyryanov S., Lukin A. Civil society as a system: problem of emergent property acquisition // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 28–31 March, 2017. Extended Scientific Sessions Vienna, Austria. SGEM. Book 1. Vol. 1. Vienna, 2017. Pp. 27–34.

References

1. Bol'shakov A.G. (2015) Profilaktika jekstremizma i terrorizma v Rossii i ejo regionah: rol' grazhdanskogo obshhestva (na primere Respubliki Tatarstan) // Konflikt kak problema. Ocherki sovremennoj teoreticheskoj i prikladnoj konfliktologii / pod red. A.I. Strebkova, A.V. Alejnikova, A.G. Pinkevich. S.-Peterburg, Fond razvitija konfliktologii, 502 p. [in Rus].

2. B'jukenen, P. Dzh. (2003) Smert' Zapada. Moscow, AST, 444 p., available at: https://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/ (accessed 26.01.2017) [in Rus].

3. Gavriljuk, V.V., Malenkov V.V., Gavriljuk T.V. (2016) *Sociologicheskie issledovanija,* no. 11, pp. 97–106 [in Rus].

4. Zyryanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast',* no. 4, pp. 7–13 [in Rus].

5. Zyryanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Social'no-politicheskie nauki,* no. 4, pp. 23–27 [in Rus].

6. Kassirer, Je. (1913) Poznanie i dejstvitel'nost' (Ponjatie o substancii i ponjatie o funkcii), available at: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000733/index.shtml (accessed 12.01.2017) [in Rus].

7. Klupt M.A. (2016) *Sociologicheskie issledovanija,* no. 6, pp. 24–33 [in Rus].

8. Lukin A.V. (2014) *Polis. Politicheskie issledovanija,* no. 6, pp. 102–113 [in Rus].

9. Shmitter F. (1996*) Polis. Politicheskie issledovanija,* no. 5, pp. 16–27, available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1996_5.pdf (accessed 10.01.2017) [in Rus].

10. Ibrahim A. (1996) The Asian Renaissance. Kuala Lumpur: Times Books International, 128 p. [in Eng].

11. Zyryanov S., Lukin A. (2017) Civil society as a system: problem of emergent property acquisition // 4th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 28–31 March, 2017. Extended Scientific Sessions Vienna, Austria. SGEM, book 1, vol. 1. Vienna, pp. 27–34. [in Eng].

For citing: Lukin A.N. Can commitment to traditional moral values be in accordance with the development of a civil society in Russia? // Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 18–23.

UDC 316.3

CAN COMMITMENT TO TRADITIONAL MORAL VALUES BE IN ACCORDANCE WITH THE DEVELOPMENT OF A CIVIL SOCIETY IN RUSSIA?

Lukin Anatoliy Nikolaevich,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,
Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service,
Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, Komarova St., 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation
The article considers the problem of combining commitment to traditional moral values and development of a civil society in Russia, possibility of considering civilization aspect. The author shows that it is not only the problem of our society but of many other countries entering upon the path of modernization.

Key concepts:
civil society,
absolute values,
liberal values,
functions of a civil society.